

К 84
ЖС 52 - 4/3

Василий
ЖЕЛТЫЙ

СУДЬБЫ
ЛЮДСКИЕ

КОНТРОЛЬНЫЙ ЛИСТОК
СРОКОВ ВОЗВРАТА

КНИГА ДОЛЖНА БЫТЬ
ВОЗВРАЩЕНА НЕ ПОЗДНЕЕ
УКАЗАННОГО ЗДЕСЬ СРОКА

Колич. пред. выдач: _____

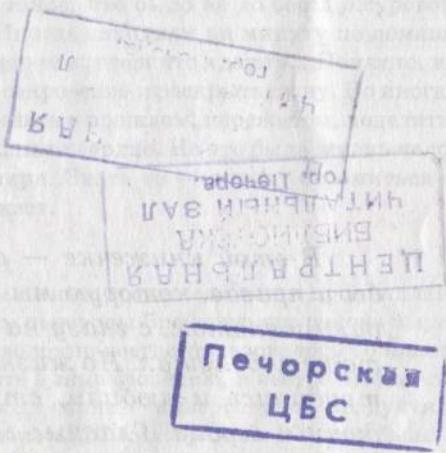
К 84 | Жёлтый В.
Ж 52 | Судьбы
юдеские
2002

Василий ЖЕЛТЫЙ

К 84 - 4/3
Ж 52

Я желаю счастья Вам!
Примеч.

Судьбы людские

2002

Автор выражает искреннюю благодарность
Дмитрик Надежде Даниловне,
Глушченко Раисе Александровне,
Кулакову Ивану Егоровичу,
Душаку Евгению Евгеньевичу,
Пантелееву Сергею Модестовичу
и Островскому Александру Борисовичу
за помощь в издании этого сборника.

Доброе дело всегда к сроку
и никогда не забудется.

В этой книжечке — очерки о людях трудной судьбы и правде, которую мы иногда замалчивали или говорили шепотом, с глазу на глаз, чтобы, не дай Бог, кто-то не подслушал. Но жизнь текла своим руслом — люди трудились и любили, строили отношения по канону души и сердца. Главные герои очерков — люди высокой нравственной чистоты и гражданского мужества.

М.М. Овчинникова с сыновьями
Николаем и Георгием.

Тревога и боль, радость и любовь

С Марией Михайловной мы встретились у здания городского управления социальной защиты. Она была какая-то возбужденная. Ее голубоватые глаза светились огоньками. Когда-то, более двадцати лет назад, мы жили в одном доме. На моих глазах выросли ее сыновья. «Как здоровье, Мария Михайловна?» — задал я обычный вопрос в разговоре пожилых людей. Для них ведь, когда уже под семьдесят и больше, главное — здоровье. С ним они связывают все.

— Да вроде ничего пока. Хочу вот узнать о льготах, — сказала она и достала из сумки полиэтиленовый пакетик, в котором просматривались удостоверение и медаль «50 лет Победы в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг.». Соседи в доме кое-что слышали о трудной судьбе Марии Михайловны. Но тогда время стояло такое, что было не до бесед о суровом прошлом. При встрече здоровались. Иногда заходили на минуту по домашним делам. А разговор в основном вели о том, где и что «дают»... Понятно, не каждый человек может легко пойти на откровение и раскрыть душу. Но иногда ему просто надо кому-то излить ее, поведать о прошлом, пережитом, поделиться мыслями. Может, тяжелыми, ранящими сердце. Но это была жизнь человека — частицы нашего огромного мира. Знать ее — значит стремиться к познанию истины всего, что нас окружает.

1

До войны Ярославье славилось многими достижениями в промышленности и сельском хозяйстве. Например, льноводы Брейтовского района выращивали такой лен-долгунец, что его волокно всегда пользовалось большим спросом. А животноводство? Посмотрите в энциклопедию, и вы убедитесь, что на земле существует брейтовская порода свиней универсальной продуктивности. Вес взрослых животных достигает 320 килограммов. Много было в довоенное время колхозников-стахановцев в райцентре Брейтovo и деревне

Дорки. Деревня небольшая, всего дворов семьдесят. Но зато порядок был отменный. Одно из звеньев в льноводческой бригаде возглавляла Маруся Кострюкова.

В Дорках, можно сказать, до революции была усадьба Кострюковых. Хозяйство крепкое. Живности разной было много. И хотя хозяева усадьбы в обозримом прошлом все состояли на военной службе, однако они хорошо знали сельскую жизнь и уделяли ей много внимания. Машин отец погиб в 19-м году, когда ей было три года. Дед Василий, говорят, любил носить эполеты. Его и прозвали в округе Эполетовым. Некоторые считали, что это — фамилия, так и обращались: «Разрешите, господин Эполетов?» Он не обижался, а наоборот, гордился. Он был настоящим русским офицером!

В 1938 году Мария вышла замуж за Сергея Шавырина, колхозного бухгалтера, но тоже неравнодушного к армии. Когда началась финская кампания, Сергей ушел на войну, заявив, что там сейчас его место. Через несколько месяцев он вернулся, а дома ждала жена с новорожденным сынишкой — Колей. И на Великую Отечественную Сергей Шавырин отправился на второй день после ее начала. Он был в Брейтове по служебным делам и узнал, что фашисты напали на нашу страну. Заскочил домой, попрощался и уехал. Больше его никто из родных не видел. Вначале писал изредка, просил, чтобы Маша берегла сына, а о нем не беспокоилась. «Вот скоро одолеем фрицев и встретимся...» Потом весточки перестали приходить. В начале 1942 г. снова Шавырины получили письмо. Сергей писал, что был в окружении, но все-таки к своим пробились...

Мария жила с сыном в доме свекрови. Свекор — Алексей Васильевич — был на войне. Мало мужчин осталось в деревне. Председательствовал вернувшийся с фронта раненый солдат — Михаил Васильевич. Колхозники трудились с утра до ночи с одной мыслью — помочь фронту, чтобы скорее победой закончилась война. А Мария была звеневской. Трудолюбивая и душевная, она увлекала женщин примером. Когда уже все валились от усталости, звеневая еще крепилась, однако силы уходили. Она садилась и говорила: «Все, подружки! Передохнем чуть-чуть». Кто-то шутил: «Да, лен теребить — не к миленку ходить». Но почти никто не реагировал на шутку. Наоборот, лица женщин становились серьезными: одна в мыслях вспоминала мужа, другая — сына или брата. И вот уже, чтобы забыться в деле, кто-нибудь из колхозниц вставал и говорил: «Давайте начнем работать...»

2

В деревне Дорки готовились к встрече Великого Октября. Машин звено решило отметить праздник вместе. Обсудили вопросы подготовки. Начались мастерицы на все руки. Даже хорошая модистка оказалась рядом. Она приехала в деревню из блокадного Ленинграда. Мария вспомнила, что перед самой войной Сергей подарил ей отрез материи. Достала его из сундука. Ленинградка развернула отрез и сказала: «Хорошая выйдет жакетка». Сняла мерку, пообещав к празднику с заказом управиться. До праздника оставалось несколько дней. Но не суждено было Марии походить в обновке. Да и сами «торжества» были заменены длинной и трудной дорогой...

На рассвете в дом постучали. Свекровь позвала Марию, сердито проговорив: «И кому это не спится, не сидится?» Мария открыла засов, и в тот же

миг дверь рывком распахнулась: на пороге выросли две фигуры в военной форме. За их спиной стоял председатель колхоза Михаил Васильевич.

— Шавырина Мария Михайловна? — спросил один из военных.

— Да-а, — тихо сказала Маша, ожидая, что сейчас сообщат самую страшную весть — о гибели ее дорогого и любимого Сережи. Но услышала совершенно другое. Хорошо поставленным голосом чекист отрубил короткую фразу: «Ваш муж — изменник Родины!» В глазах у Марии поплыли оранжевые круги. Голова закружилась. Женщина оперлась руками о стену и сказала: «Не может этого быть! Он — член партии, любит свою Родину!..»

— Он пропал без вести... Однако у нас есть сведения, что Шавырин сдался в плен, — говорил военный. — А вообще-то, нам лучше знать, что может, а чего не может быть. Разговор на эту тему прекращаем... Вам один час на сборы. Бещей — ручная кладь. И вместе с сыном поедете с нами в райцентр.

Военный умолк. Несколько секунд стояла тишина, а потом ее разорвал высокий голос председателя колхоза: «Что вы городите?! Не верю я всему этому! Ладно. Допустим крайность — Сергей перебежал к немцам. Но при чем здесь его жена и двухлетний сын? Мария — стахановка, лучшая звеньевая колхоза... Да как же так, товарищи?»

— Михаил Васильевич! Вы не на артельном собрании находитесь, а вас пригласили сюда засвидетельствовать факт мужественной борьбы наших органов с врагами. Что касается работы, то ее и там, на новом месте, для нее хватит...

Деревня уже проснулась ото сна. Во двор к Шавыриным пришла комиссия и стала распоряжаться имуществом: угнали скотину, забрали птицу, подмели сусеки. Свекровь, собрав свой узелок, решила перебраться на житье к дочери... Уезжала Мария с сыном на двуколке. Рядом — возница. Коля — на руках у матери. А в ногах — мешок с вещами и краюха хлеба. Казалось, все Дорки вышли на улицу, словно провожали святую деву Марию с младенцем. Люди громко вздыхали. Слышались всхлипывания. А двуколка медленно катилась по осенней ярославской земле. Следом ехали военные.

3

В Брейтове для высылки собрали семей сто. Погрузили их на пароход и поплыли до Рыбинска. А там — пересадка на поезд и доехали до Княжпогоста. Марию все это время терзали вопросы: «Как можно без суда и следствия обвинить людей Бог знает в чем? Может, хоть теперь, прибыв, как говорится, в пункт назначения, кто-нибудь внесет ясность?» В Княжпогосте Марию не оставили. Ее отправили в Выльордам — поселок лесозаготовителей на Вычегде. И только там комендант поселка вызвал ее к себе, протянул лист бумаги и, ткнув пальцем, сказал: «Вот здесь распишитесь!»

— За что расписаться? — спросила Мария.

— Сама знаешь...

А там, на Западе, шла война. Мария работала на лесозаготовках: и лучком лес пилила, и сучья обрубала. В штабеля бревна укладывала. Небольшого роста, подвижная, она брала в работе не столько силой, сколько ловкостью.

Уже через некоторое время мастер присыпал к ней новичков для обучения. У нее появились друзья. Лучшей из них была ленинградка Лиза Мазина. В нелегкой работе, в заботах о маленьком сыне время тянулось медленно.

Вот уже начался и новый год. Но он не принес ничего нового в жизнь поднебесных переселенцев. Так прошло несколько месяцев. Однажды, уже под весну, Мария сидела в бараке с сыном. Мальчик играл. Ему в марте исполнится три года. Пришел посыльный и сказал, что ее просит зайти комендант. Слово «просит» сразу насторожило Марию, а потом где-то в глубине души зародилось чувство надежды: ведь до сегодняшнего дня все начальники над ссыльными в основном только требовали и приказывали, а тут комендант просит.

Комендант встретил Шавырину с вниманием, словно он в чем-то виноват перед ней. Заговорил он спокойно: «Тут вот бумага сегодня пришла. Выходит, ошибка вышла... Вам можно возвращаться домой...» Да, дело ее пересмотрели. Позже она узнала, кто и как вел борьбу за ее освобождение. Председатель — фронтовик и все правленцы написали письма в разные инстанции. Писали и рядовые колхозники. Они надеялись, что все равно где-то будет пробита брешь и их слово услышат наверху. Не может быть такого, чтобы дверь не открыли стучащемуся. Они верили в правоту своего дела. А вера помогает бороться.

Однако Мария не уехала. С одной стороны, ее тянуло домой, хотелось увидеться с родными и близкими. А с другой... Домашний очаг был порушен. Конечно, ей сразу же должны вернуть отобранный дом и все имущество... Она бы уехала, не будь у нее в Выльордоме надежных друзей. Первой запротестовала Лида Мазина: «Ну да, ты уедешь. А как же мы без тебя будем? Война, видно, скоро закончится. Придет Сергей твой с фронта. Может, он где-то в партизанах воюет, потому тебя и отпускают...»

Осталась Мария в поселке работать вольнонаемной. Огород разделала. Стала овощи разные выращивать. Козу завела. Окреп и повеселел сын Коля...

4

Война закончилась. Стали возвращаться домой солдаты. «Сергей рожденья 12-го года... Значит, в первую очередь, может, если жив, домой прийти», — рассуждала Мария. Однако он не приходил, не подавал весточки. Но вернулся с фронта сын Овчинниковых — Елисей, вся грудь его в медалях. Уже не раз бросал он на нее пронизывающие взгляды. Их семью выслали в лесной поселок в начале 30-х годов из Куйбышевской области. Раскулачили. Некоторые женщины советовали Марии оставить надежду на уже прошлое и жить настоящим, довольствоваться тем, что дает жизнь сегодня.

— Нет, девоньки, подожду Сергея, — говорила она. А однажды смотрела вдаль на дорогу и увидела высокую, покачивающуюся мужскую фигуру. Ну точь-в-точь муж ее так ходил, вразвалку. Кинулась навстречу шагавшему мужчине, подбежала и бросилась ему на шею. Разрыдалась. Это был ее свекор — Алексей Васильевич. Вернулся он с фронта — нет невестки и внука. Узнал, куда их сослали и поехал разыскивать. Нашел. Долго уговаривать ее не пришлось. Через день-другой увез он Марию и Колю на Ярославщину, в родную деревню. Елисей заскочил проститься и обидчиво спросил: «Значит, уезжаешь, Маруся?»

— Уезжаю. Приглашаем вас в гости, Елисей Георгиевич! — сказала Мария.

В 1946 году она вернулась в Дорки. Работала в колхозе. Жила в доме свекра. Алексей Васильевич опекал ее и внука, любил их. Готов был пожертв-

вовать всем, но только до конца дней своих сохранить эту живую связь с пропавшим на фронте сыном. Второй, младший его сын, погиб в боях. И единственной живой кровинушкой стареющего деда Шавырина был внук Коля. Шли годы. В 1952-м в деревню на Ярославщине заявился Елисей Георгиевич.

— Извините, Алексей Васильевич, за вторжение, — сказал Елисей Машиному свекру. Он готов был в ту минуту броситься перед ним на колени, но только склонил голову и продолжал: — Прошу вашего благословения... Без Марии я отсюда не уеду.

В тот вечер допоздна засиделась семья Шавыриных, обсуждая вопрос: «Как быть Марии?» Алексей Васильевич поставил в разговоре точку: «Годы идут. Жизнь продолжается... Долго ты, Мария, ждала моего сына. Спасибо тебе! Теперь поступай так, как велит твое сердце...»

5

Уехала Мария с Елисеем. В лесном поселке прожили недолго. Вскоре перебрались в Печору. В 1953 году у них родился сын. Назвали Георгием. А через год еще один сын — Александр. Мария Михайловна поступила на работу в хирургическое отделение железнодорожной больницы. Тогда это была, можно сказать, медицинская академия. Там работали профессора, попавшие на Север по делу М. Горького. Они делали уникальные операции.

В больнице Мария Михайловна проработала 41 год. Она была кормящей няней тяжелых послеоперационных больных. Вышла на пенсию только в 1994-м. Сотни людей она выходила, помогла поставить на ноги. Часами просиживала у постели тяжелобольных. Как-то хирурги оперировали раненого милиционера. Его доставили в Печору из Княжпогоста. Операция прошла успешно. Однако больной почему-то долго не поправлялся. Мария услышала, как при обходе врач сказал: «Ему бы сейчас попить козьего молока — через неделю бы стал на ноги». Так в чем же дело? Овчинникова держали козу. Детишки малые, молоко им требовалось. И стала Мария поить больного милиционера молоком. Выздоровел парень. Благодарил свою нянечку...

С Елисеем Мария прожила 25 лет. Умер он в конце 70-х годов. А как же сыновья? Николай — шофер. Он работал в Печоре, потом — в Норильске. Средний сын — Георгий, оканчивая школу, спросил мать, были в их роду военные или нет? И она поведала сыну о деде, прадеде, о служении Отечеству мужчин из рода Кострюковых. Георгия, видно, не случайно тянуло в ряды военных. После школы он окончил Свердловское военное училище. Служил в «горячих точках». Закончил военную академию. Георгий Овчинников — полковник, заместитель Краснодарского краевого военного комиссара. Младший сын — Александр, как и старший, тоже шофер...

Мария Михайловна Овчинникова, урожденная Кострюкова, за свою жизнь познала тревогу и горечь, радость и любовь. Теперь она радуется делам своих сыновей, потому что они нашли свою дорогу в жизни. Ее внук Алексей, сын Георгия, окончил Суворовское училище и юридический институт... Но горечь и боль все еще остаются. Наверное, они являются как бы приправой к жизни, чтобы люди не увлекались одними ее сладостями.

Г.А. Рачков

Георгий, Антонов сын

1

В тот день на улицах Владивостока было многолюдно, чувствовалась предпраздничная суета: горожане готовились отметить очередную годовщину Большого Октября. Уже двадцать лет на одной шестой части земного шара широкой поступью шагал социализм, прочно утверждаясь во всех сферах жизни советских людей. И вот он окончательно победил. Об этом год назад заявила на весь мир Сталинская Конституция, об этом же сообщали многочисленные плакаты и лозунги. Огромные портреты вождя народов с проницательным взглядом, ухмыляющегося в усы, были вывешены на общественных зданиях: он как бы поздравлял с праздником весь народ, на долю которого выпало большое счастье — жить в стране, «где так вольно дышит человек». И всюду музыка играла...

Георгий и Юлия уже несколько часов ходили по городу: кое-что купили к праздничному столу. Они любовались тем, как украсился, похорошел их приморский город, сколько видели вокруг веселых, счастливых людей.

Они подошли к своему дому. Остановились.

— Вот мы и пришли, дорогой, — сказала Юлия, прильнув головой к груди мужа. — Давай, Георгий, одни проведем праздники: сами никуда не пойдем и к себе никого приглашать не будем. Согласен?

— Согласен, Юля, — ответил Георгий и посмотрел на жену — глаза ее светились от счастья, она вся сияла. И почему-то именно в этот момент, у подъезда своего дома он подумал, что ему очень повезло с женой. У них в семье все идет ладно. Уже пять лет прошло с тех пор, как они с Юлей поженились, и, слава Богу, никаких размолвок пока что не было. Кажется, они хорошо понимают друг друга.

Они поднялись на свой этаж. Юлия Сергеевна открыла сумочку, чтобы достать ключи от квартиры, но в это время распахнулась соседняя дверь и на пороге выросла женская фигура. «А вас тут спрашивали», — проговорила соседка.

— Кто?

— Не знаю. Были двое. Наверное, сослуживцы ваши. Такие веселые, остроумные... Сказали, что зайдут попозже..., — она не успела договорить, как увидела поднимающихся по лестнице мужчин, которые шли медленно, казалось, что они только сейчас сбросили с плеч тяжелый груз. — А вот и они, — шепотом сказала соседка.

Георгий и Юля повернулись к мужчинам, они видели их впервые: оба какие-то стандартные, словно только что вышедшие из магазина, где облачились в серые демисезонные пальто и такие же серые шляпы с широкими полями. Мужчины уже подходили к супругам Рачковым.

— Вы будете Георгий Антонович Рачков? — спросил Георгия один из «близнецов-братьев». И когда услышал подтверждение, что перед ними именно тот человек, который им нужен, продолжал: — У нас к вам есть одно поручение... Может, лучше нам поговорить в квартире?

— Да, да... Извините... Конечно же, проходите, — торопливо проговорил Георгий, указав рукой на дверь, которую открывала Юлия.

В прихожей включили свет, и хозяин предложил гостям снять пальто. Но те отказались, пояснив, что они зашли на минутку и ни о чем беспокоиться не стоит. Все это время говорил один из них, другой же держал руки в карманах пальто, словно стоял на морозе и таким образом согревал их.

— Георгий Антонович Рачков, вы арестованы! — сказал один из «гостей». Эту фразу он сказал четко, но тихо. Однако Георгию показалось, что над их домом раскололось небо, поднялась крыша, и это оттуда, с небес, кто-то произнес такие слова. Он знал, слыхал, что во Владивостоке кого-то арестовали, у них в университете «исчезли с глаз» некоторые преподаватели и даже студенты. Но об этом старались не говорить: арестовали, значит, наверное, есть за что, хотя сомнений и тревог было много.

«Гости» предъявили Георгию ордер на арест и на обыск. Потом они пригласили понятых и начали перетряхивать квартиру. Опыт в этом деле они, видно, приобрели уже огромный. Чекисты обратили внимание на то, что в квартире Рачковых было много книг на иностранном языке. Усмехнулись, дав понять, что вышли на верный след. Обыск длился всего полчаса. Никакого компромата они не нашли. Взяли с собой несколько писем и книг и то, видимо, не из-за служебного рвения, а просто из-за личного любопытства.

Юлия все время, пока шел обыск, сидела молча; ее взгляд не выражал ничего. О чем она думала? Может, о малолетнем сыне, который останется без отца, или она думала о себе, о том, как арест мужа отразится на ее дальнейшей судьбе. Она даже не встала со стула, когда, закончив обыск, чекист сказал: «Гражданин Рачков, одевайтесь!» И только позже, когда Юлия Сергеевна увидала, что ее Георгий уже оделся, чтобы отправиться в дальнюю дорогу, она рывком вскочила и бросилась ему на грудь. А он обнял ее и попросил, чтобы она поцеловала за него сына и рассказала ему об отце всю правду: «Я ни в чем не виноват, разберутся..., там ведь тоже люди...» А рядом послышался тот же голос, который час назад уже один раз расколол небо: «Кончайте прощаться! Гражданин Рачков, пошли!»

2

В камере Георгий забылся. Нет, он даже не дремал. Просто через несколько часов после ареста его мозг нашел для него ту точку опоры, когда

захотелось на все махнуть рукой и заняться самоанализом своей жизни от тех дней, когда он начал себя помнить, и до ареста. Это многим помогает. А что толку, если, словно загнанный зверь в клетке, метаться по камере, кого-то мысленно о чем-то просить или кого-то проклинать?! Древние философы, особенно китайские, смотрели на жизнь человеческую просто: любые повороты, подъемы и падения для них были как бы предопределены самой судьбой, а значит, и воспринимать их надо со спокойствием, трезво, тогда, может быть, проще и легче найти путь в жизни.

...Семья Рачковых жила во Владивостоке. Там в 1910 году родился первенец Елены Павловны и Антона Григорьевича — Георгий. А через два года появился на свет еще один сын — Анатолий. Антон Григорьевич был разносторонне образованным человеком. И хотя высшего образования он не получил, однако пользовался в городе высоким авторитетом, работая в суде частным поверенным. Рачков-старший владел несколькими языками, особенно преуспевал в китайском. Поэтому ему часто приходилось отстаивать в суде интересы горожан китайской национальности. Они шли к нему с самыми разнообразными жалобами и просьбами, и он старался помочь им. Работал много. Это давало ему хороший заработок. Жили безбедно. Были даже свободные деньги, которые Антон Григорьевич вкладывал в строительство жилых домов. Свои дома он сдавал в аренду.

В начале 1917 года Рачковы переехали в Москву Но вскоре грянула революция. Отец семейства принял революцию всем сердцем, устроился на работу в государственное учреждение, а когда в начале 1918 года Советское правительство переехало из Петрограда в Москву, Антона Григорьевича пригласили на работу инспектором в Совет Труда и Обороны (СТО). Старший сын — Георгий в 1917 году пошел учиться в школу. Он хорошо помнит, как каждое утро стоял в школе в очереди за завтраком. Тогда завтрак выдавали всем по месту работы или учебы.

В Москве Рачковы прожили до 1921 года. Елена Павловна и Антон Григорьевич часто вспоминали былое и тревожились за свою недвижимость, оставленную во Владивостоке. Может, это и послужило появившейся вдруг холдности в их отношениях, а потом — отчуждению. А может, что-нибудь другое, но возникшая трещина расширялась, а потом совсем прошла между сердцами близких когда-то людей. Семья распалась. Однако никто из родителей не хлопнул дверью, не закатывал истерики. Они понимали, что одной Елене Павловне будет трудно воспитывать двух сыновей, а Антону Григорьевичу тоже нелегко будет без них. В семейном кругу обсудили доводы и пожелания всех сторон. С детьми говорили, как со взрослыми, хотя старшему сыну — Георгию было только десять лет, а младшему — восемь.

— Время трудное. Полыхает гражданская война, — говорил Антон Григорьевич. — Во Владивостоке — наши корни и наша собственность. Я мог бы один поехать туда, но матери с вами будет трудно...

— Отец прав. На Восток нужно ехать, и отец ваш, конечно же, поедет, но он будет тосковать без вас, — голос у матери задрожал, она рукой провела по волосам и незаметно смахнула слезу, готовую сорваться с век и скатиться по щеке.

— Кто из вас, Жора или Толя, поедет с отцом на Дальний Восток?

Георгий, не раздумывая, поднял руку. Как на уроке в школе, он всегда первый вызывался ответить на вопрос учителя. Вот и сборы позади. Куплены

билеты. Получена виза. Ведь предстояло проехать из Советской России в Дальневосточную Республику. Приехали на вокзал. Но оказалось, что поезда ходят по «железке» без никакого расписания. «Когда поезд пойдет во Владивосток?» — спросил Антон Григорьевич дежурного по вокзалу.

— Когда прибудет, то вскорости и отправим, — ответил железнодорожный чиновник. Сидеть на вокзале не было никакого смысла. К тому же дело шло к ночи. Рачков-старший сдал вещи в камеру хранения, и вместе с сыном они отправились на noctleg, чтобы утром... схватиться за голову. Утро не всегда мудренее вечера. Но что за мудрость, скажите на милость, оставить мужчину и его отрока без никаких средств к существованию?!

А случилось вот что. Еще в 1917 году, когда после февральской революции Рачковы приехали в Москву, Антон Григорьевич был при деньгах. Но потом понял обстановку, что может наступить утро, когда он проснется, а деньги — испарились. Нет, они вроде бы на месте, деньги есть, но уже в виде картинок, которыми можно только стены в доме оклеивать, так как они ничего не стоят. И Рачков-отец израсходовал всю имеющуюся у него наличность на приобретение ценных ювелирных изделий и других вещей. И вот все это богатство ждало своего часа и теперь должно было отправиться во Владивосток.

Багаж получили быстро. Антон Григорьевич открыл один из чемоданов, в котором хранились ценности, и сразу же опустил крышку: сердце почти остановилось. В глазах потемнело, а потом запрыгали огненные зайчики. Сын понял, что с отцом что-то случилось и подошел к нему.

— Что с тобой, папа? — спросил Георгий.

— Нас обокрали, Жора, — ответил Рачков-старший. Резким движением руки он поднял крышку чемодана — в нем лежали кирпичи. Что делать? Заявить в милицию? Пустое дело. Там посмеются да еще и подумают: так тебе и надо, буржуй, ищи теперь ветра в поле. Да и поезд через час отправляется. Надо ехать.

3

С большими трудностями, а порой и опасностью, столкнулись отец и сын Рачковы, пока добрались до Владивостока. Эти трудности сходны во всякие времена, когда в стране разруха, а каждый захолустный городок объявляет себя суверенной республикой и живет по своим наспех скроенным законам или совсем без них. Тогда повсюду будут править грубая сила, открытое хамство и презрение. Ехали Рачковы с пересадками. Оказалось, что за то время, пока они готовились к отъезду, в Сибири возникли еще две республики, которые заявили о своем праве контролировать проезд людей через их территории. Поезда останавливали. У пассажиров проверяли документы и проводили досмотр багажа. А потом формировался другой поезд и отправлялся дальше. С горем пополам, но отец и сын Рачковы все же приехали во Владивосток.

Временно поселились у брата Антона Григорьевича — Николая. Но уже через несколько дней Антон Григорьевич заметил подозрительные фигуры у дома, где он жил. Они же сопровождали его и в то время, когда он ходил по городу. Было видно, что его стали «пасти». А вскоре Рачкова-старшего пригласили в милицию и заявили, что он должен покинуть Владивосток, так как

приехал сюда из большевистской России, а это очень усложняет его пребывание в городе.

— Но здесь я жил, здесь моя родина..., — возмущался Антон Григорьевич.

— А кто может гарантировать вашу лояльность к нашей Дальневосточной Республике? Может, вы большевистский шпион, — говорил инспектор милиции.

— Меня здесь хорошо знают, я судебный работник, здесь живет мой брат...

— Сейчас брат на брата, сын на отца идет... Давайте на этом закончим беседу. В вашем распоряжении одна неделя. Вы должны покинуть нашу республику. Куда отправитесь — ваше дело. Вам все понятно?

Что уж тут понимать. Все ясно. Антону Григорьевичу еще повезло на инспектора, другой бы накричал и в тюрьму бы упек, а этот говорил спокойно, предупредил и совет дал. Надо снова собираться в дорогу. Поговорили с братом. И решил Антон Григорьевич уехать с сыном Георгием в Шанхай. Китайский язык он знал. И знакомые там были — революционная буря многих занесла на чужбину...

В Шанхае Рачков-старший, устроив сына учиться в школу-интернат с преподаванием на английском языке, занялся своим излюбленным делом — юридической практикой. Он с большим вниманием следил за учебой сына, радовался его успехам в изучении иностранных языков. Так пролетели три года. В 1924 году Антон Григорьевич решил возвратиться во Владивосток. Тамошние политики, поиграв в суверенитет, поняли, что поднять экономику, наладить жизнь можно лишь вместе со всей Советской Россией. Дальневосточная Республика перестала существовать.

А как быть с сыном? Георгий учился в престижной английской школе, которая выпускала образованных людей. Парень он серьезный, с высокой самодисциплиной и ответственностью. Да и условия пребывания в школе-интернате, преподаватели и воспитатели были таковы, что они прививали детям любовь к познанию окружающего мира, изучению истории, литературы и искусства, математики и химии... Время проходило напряженно, но интересно. Учащиеся не могли заразиться здесь бациллами праздной жизни. Когда отец рассказал сыну о своих планах уехать в Россию, Георгий поддержал его. Он хорошо знал отца, его привязанность к Владивостоку, к России; часто замечал, как тоскует он по родине. Так и решили: Георгий останется в Шанхае, чтобы окончить школу, а отец уедет.

... Встретились они через пять лет, в 1929 году. Время было тревожное. На советско-китайской границе возникали конфликты. Советское посольство в Китае закрыли, и Георгию пришлось выехать без визы. Ему было девятнадцать лет. Окончив школу в Шанхае, он получил документ на право преподавания в начальных классах школы для англичан и преподавания английского языка в средней школе. Однако судьба распорядилась так, что Георгия приняли на работу преподавателем в Практическую Академию иностранных языков общества Востоковедения при Дальневосточном государственном университете. И началась интересная, полная творческих замыслов жизнь. О, крылатая юность! Это время, когда нет преград для мечтаний, когда кажется, что все, что ты задумал, обязательно сбудется...

— Рачков Георгий Антонович, на выход! — прогрохотал голос. Его эхо гулко отдалось в коридоре. Георгий осмотрелся, так как не понял сразу, где он находится. «Да-а, меня же арестовали... А как там Юля с сыном?» — подумал он, поднялся и шагнул к двери.

Допрашивал Георгия следователь небольшого роста, с круглой головой, на которой волосы были подстрижены «под ежика». Он поминутно соскачивал со стула, делал несколько шагов по кабинету и снова усаживался за стол.

— Рачков, вы будете отвечать на мои вопросы? — спросил следователь.

— Слушаю вас..., — выдавил из себя Георгий.

— Вы обвиняете в контрреволюционной деятельности и шпионаже в пользу иностранной разведки. Расскажите об этой деятельности.

— Какой?

— Что вы, Рачков, Ванькой прикидываетесь, нам все, все известно.

— Раз вам все известно...

— Ну ты, профессор, поговори у меня... — повысил голос следователь и снова прошагал по комнате. Потом он вызвал конвоира и сказал: — Уведите арестованного!

Через два-три дня Рачкова снова вызвали на допрос. Следователь говорил уже другим тоном, давая понять, что показания теперь не играют никакой роли:

— Вас все равно расстреляют. Вы же контрреволюционер, мастер глубокой конспирации. Возиться с вами трудно и, признаюсь, не хочется. А ваше несогласие — ерунда, гонор интеллигентский. Рассказали бы все как было, камень с души сняли...

— Что рассказать?

— Ну вот, снова вопросы вместо ответа. Видимо, нам не договориться...

Больше Георгия Антоновича на допросы не вызывали. Только через пять месяцев, 1 мая 1938 года, дверь камеры открылась и Рачкова вызвали на выход с вещами. В коридоре тюрьмы было уже много заключенных. Среди них он увидел и знакомые лица: начальника паровозного депо, секретаря парткома депо, которых арестовали раньше Рачкова. В печати было сообщение, что их расстреляли. Наверное, это был психологический ход чекистов с целью морального воздействия на «врагов народа», оставшихся пока на свободе. Пусть дрожат от страха. Потом Рачкову объявили под расписку постановление особого совещания при НКВД СССР от 22 февраля 1938 года: за контрреволюционную деятельность он приговорен к десяти годам лишения свободы. Вот так-то. Уже приговоренного, его более двух месяцев держали в тюремной камере, чтобы затем «порадовать» в первомайский праздник сообщением о наказании и отправкой в дальний путь.

Путь действительно был дальний и трудный... Из Владивостока до Котласа заключенных везли по железной дороге. Затем их погрузили на баржу, и по Северной Двине они плыли к устью реки, чтобы потом попасть на Печору и снова плыть до Вои. Там баржа причалила. Выгрузились на берег рядом с небольшой деревушкой. Вокруг стоял девственный лес. Летнее солнце

хорошо пригревало. Казалось, что люди попали не на Крайний Север, а куда-то в среднюю полосу России. Но природа на северных широтах обманчива, тепло вмиг может смениться холодом, стоит только ветру подуть со стороны, где беснуется седой океан.

— Вот здесь будем жить и работать, — сказал заключенным начальник будущего Войского лагпункта. — Скоро наступят холода. Значит, за полтора-два месяца нужно построить землянки, бараки и все то, что необходимо человеку для жизни...

Наверное, не стану рассказывать о всех кругах ада, где узникам ГУЛАГа пришлось испить горькую чашу до самого дна. Об этом уже в печати писали много. Сталинский лагерь — это часть огромной машины, которая была задействована в общегосударственном плане, и ее цель не воспитание попавшего сюда человека, а его безжалостная эксплуатация. Задание должно быть выполнено любой ценой, любыми людскими затратами. И главным стимулом послушания и выполнения трудонормы были пайка хлеба, черпак баланды. Не смог зэк выполнить норму — и есть ему дадут поменьше, а то и совсем лишат пайки. Но ведь завтра снова надо идти на работу. Однако не подневольный труд был тяжек, невмоготу, а зачастую его бессмысленность, жестокость и унижение, стремление лагерных начальников довести человека до состояния животного, чтобы он за ложку лагерной баланды предал товарища, готов был выполнить любое их желание. Да, там правил бал не закон, а отдельная сытая и пьяная личность — царь и Бог на обширных таежных просторах.

Но Георгию Рачкову, можно сказать, сильно повезло. И не только ему, а всем зэкам, которые попали в лагпункт, где начальником был Зодик Михайлович Сердитов — добродушный и хозяйственный человек. Он старался хоть как-то облегчить трудную долю заключенных. Начальник лагпункта понимал, что в снабжении продуктами многое будет зависеть от того, как он сам и его окружение организуют дело на месте. Сердитов знал почти каждого заключенного: откуда он прибыл и какая у него профессия, какое образование. Когда начали создавать подсобное хозяйство, то в лагпункте были свои агроном и ветврач, животновод и товаровед. Иногда Зодику Михайловичу приходилось хитрить, вешать кое-кому «лапшу на уши». Ну, скажите на милость, как поступить начальнику лагпункта, например, если ему на ферме нужен ветврач, а такая единица по штатному расписанию не положена? Конечно же, использовать «подснежника» (это когда человек числится на одной работе, а выполняет совершенно другую). Потом этот метод «утирать очки» из ГУЛАГа перекочевал и на волю).

Войский лагпункт обеспечивал себя разнообразными продуктами растениеводства и животноводства. Георгий Рачков работал прорабом на строительстве дороги, потом на подсобном хозяйстве. Как-то он не досчитался одного 5-месячного теленка. И в это же время из лагпункта был совершен побег. По всему видно, этот зэк и украл животное, чтобы обеспечить себя пищей. Для Рачкова дело грозило обернуться серьезными неприятностями. Здесь бы и Сердитов не помог, так как в лагпункте был и особист, который только и ждал повода, чтобы отличиться. На поиск и задержание беглеца была организована оперативная группа. Рачков попросился принять в ней участие. Ему разрешили. И произошло так, что именно он, когда группа рас-

средоточилась в лесу, напал на след беглеца. Это был зэк, сидевший в лагере по бытовой статье — «верный друг народа». Он был ошарашен, когда за его спиной раздался спокойный голос: «Руки вверх! Стреляю без предупреждения!» В тот же миг Рачков выхватил у него нож из-за голенища сапог... В лагпункт он доставил «бытовика» без приключений.

Позже тот узнал, кто его задержал в лесу. Зэк взвыл по-звериному, видимо, от обиды, обложил всех матом, а в адрес Рачкова сказал: «Ну, контрик, пасть тебе порву, живьем в могилу закопаю...». Переbrанки, переходящие в потасовки, в других лагпунктах были не редкость. В Вое же лагерное начальство умело держать «бытовиков» в узде, да и политические, организовавшись, спуску им не дали бы. Это все понимали и старались любые вопросы решать мирным путем.

Легче всего зэк переносит все тяготы лагерной жизни, когда с ним поддерживают связь родные и близкие. Письмо из дома, посылка или бандероль — для него огромная радость. Однако она редко навещала в заключении Георгия Антоновича Рачкова. Его отец умер в 1934 году: возвращался он из Ленинграда, где гостили у брата, заболел в дороге. Большого сняли с поезда в Омске. Там в больнице он и скончался. Младший брат Георгия Антоновича — Анатолий — преподавал в морском техникуме в Ленинграде. Когда он узнал об аресте брата, то решил сразу же от него отмежеваться, дескать, своим братом я его не считаю и порываю с ним всякую связь. Так и сделал. Бог ему судья.

В годы после ареста брата Анатолий Антонович писал матери и просил ее отказаться от Георгия, как от врага народа. Но мать осталась матерью. Она часто писала сыну, оказывала ему помощь. А когда его освободили из лагеря, она сразу же приехала к нему в Печору. Что касается жены Георгия Антоновича — Юлии Сергеевны и сына Юрия, то здесь все обстояло так. Жена сразу же попросила развод с мужем. Ну а сын, в чем его можно обвинить? Ведь он совсем не помнит отца, и никто не мог рассказать ему о нем.

6

Георгий Антонович отбыл «сталинскую вахту», как говорится, от звонка до звонка. Когда лагпункт в Вое ликвидировали, его перевели в Печору. Вместе с другими он участвовал в передислокации большого и сложного лагерного хозяйства. Позади осталось пять подневольных лет, впереди — столько же. Но теперь у него было больше надежды на то, что он выкарабкается из этого ада. Рачкова расконвоировали, больше он не чувствовал за спиной дыхания охранника, не ходил строем. Добросовестный и исполнительный, он за пять лет научился многому, стал универсальным работником. Зная его широкую образованность, глубокий аналитический ум, руководство «Печорстроя» поручало ему работу, связанную с инспекцией финансовых и торговых служб. Где-то уже видны были и проблески личного счастья.

Оно, как оказалось, было совсем рядом — в торговом отделе. Вере Александровне в ту пору было тридцать лет. Ее муж погиб на фронте в первые месяцы войны. Она с четырьмя детьми была эвакуирована из блокадного Ленинграда в Печору. Георгий и Вера познакомились на службе. Однако никакого романа, тем более с таким пятидесятилетним продолжением, могло бы и не быть, если бы не дети: одна девочка, старшая, и три мальчика.

Пришли они как-то к маме на работу. Там и увидел их Георгий Антонович. «Юре моему сейчас, наверное, столько же лет, сколько этой девочке», — подумал Рачков, и какой-то ком поднялся к горлу, дышать стало трудно.

— Как тебя зовут? — спросил Георгий Антонович девочку. «Люда. А это мои братики», — ответила она.

Дети — народ любознательный и привязчивый, особенно к тем взрослым людям, у которых открытое сердце. И завязалась большая дружба между мужчиной и этими детьми. Иной раз бывало так: пойдет Вера Александровна вечером в детсад за младшим сыном, а воспитательница говорит, что приходила Люда с братьями, взяли Олега и пошли к дяде Жоре... Что ж, дети явились прочным связующим звеном в жизни Георгия Антоновича и Веры Александровны Рачковых.

В годы молодости Георгию Антоновичу не пришлось испытать настоящего отцовского чувства. Но все время, даже за колючей проволокой, он с улыбкой и нежностью ловил любопытный детский взгляд. Вспоминая о Вое, он рассказывал о мальчишке, который встречался иногда на пути эзков, останавливаясь и с горечью в детских глазах смотрел на проходившую мимо него людскую колонну. Наверное, дома он не раз слышал о нелегкой доле этих людей. Мальчика звали Юрай. Он был сыном начальника лагпункта З.М. Сердитова. Юрий Зодикович живет в Печоре. Он — известный мастер радиосвязи,уважаемый человек.

Георгий Антонович не мог спокойно пройти мимо плачущего ребенка. Обязательно остановится возле него, поговорит, успокоит — и глаза малыша загорались искорками радости. Как-то шел Рачков по улице. Увидел дым и большую толпу людей у барака. В одной из комнат бушевал пожар, пламя которого вот-вот вырвется наружу. И вдруг раздался крик: «Там же дети! Двое!» Шума было много, но никто не проявлял решительности. Г.А. Рачков, разбив окно, бросился на помощь детям. Старшего спасли. Где же младший? Георгий Антонович задыхался от дыма, на нем уже тлела одежда, а огненные языки тянулись к лицу, чтобы лизнуть его. Он отыскал малыша под скамьей, куда тот забился, спасаясь от огня. Взял на руки. Мальчик был уже мертв... Тогда же эзк Рачков получил сильные ожоги.

И после реабилитации Георгий Антонович продолжал работать в «Печорстрое». В 1964 году перешел в урс Печорского пароходства, где занимал должность товароведа и проработал почти четверть века. С Георгием Антоновичем Рачковым мы были знакомы более 30 лет. Последний раз я встречался с ним в 1993 году, когда готовил очерк о ветеранах Печоры. Георгию Антоновичу было тогда за восемьдесят. А через три года он умер. Лишь год пережила мужа Вера Александровна, подтвердив этим когда-то сказанную ею фразу: «Мы с Жорой стараемся всегда быть вместе». Вечная им память!

Солдатские этюды

Документальный
рассказ, в котором
каждое слово — правда,
хотя порой и горькая

С.В. Лукашук

1

Сергей Лукашук служил в армии два года. За это время он написал домой около ста писем. Писал каждую неделю. Иногда, правда, из-за отъезда на полевые учения этот график нарушался, но солдат старался наверстать его, и тогда письма-голуби летели в Печору одно за другим. Там весточек от сына и брата очень ждали. Сергей писал много и обстоятельно о разных сторонах солдатской жизни. Его наблюдательность и цепкий ум подмечали в, казалось бы, обыденной, строго регламентированной обстановке что-то новое и необычное. Начинал он письмо всегда теплыми словами приветствия, спрашивал о житье-бытье, а потом уже рисовал разные «армейские этюды». Они интересны не только как фактический материал, но восхищает и умение автора «этюдов» живо и талантливо показать его. Это я подметил и раньше, прочитав несколько писем 12-летнего Сережи. Он прислал их, когда жил у бабушки под Томском, а его родители переехали в Печору.

Приведу несколько строк из его письма, написанного в детстве: «Здравствуйте, мои любимые папочка и мамочка! Как ваше здоровье и самочувствие? Мое пока хорошее. Вот и наступили ясные деньги. Солнце уже начало греть, и кругом висят сосульки... Историю у нас преподает новый учитель — Борис Григорьевич. Он рассказывает то, что написано в книге». Сережа развивался разносторонне: любил литературу и музыку. Учился в музыкальной школе по классу баяна, занимался лыжным спортом. В 1980 году окончил среднюю школу № 87. Несколько месяцев поработал в локомотивном депо. Осенью того же года он поступил учиться заочно на исторический факультет СГУ. В мае 81-го Сергея призвали в армию. Итак, теперь дорога вела 18-летнего паренька к месту службы. Думаю, надо представить ему слово, пусть расскажет о солдатской жизни, а я буду только «выуживать» из длинных писем Сергея зерна его смелых (для того времени) откровений, да кое-что комментировать.

***

Первое письмо он написал 8 мая. «Привет из Княжпогоста! Вот уже двое суток я тут болтаюсь, как... в проруби. В поезде была куча мала — 94 человека в одном вагоне, половина — пьяные. Спали сидя. Да еще офицеры перепились и начали гонять парней. Правда, до меня очередь не дошла. В Княжпогост приехали утром. На сборном пункте уже было без нас почти две тысячи человек, поэтому разместились, как на пляже. В этот же день прошел комиссию, написали, что годен. Ночью повели в казарму спать... Укладывались штабелями, кто где: на полу, на ящиках из-под лимонада, но у кого морда понаглей — на нарах». Далее Сергей пишет, что в моряки его не заберут. Наверное, мать беспокоилась, чтобы сын не попал служить на море. «Вчера две матросские команды уже отправлены... Говорят, осталось подготовить три группы: ПВО, десантников и танкистов...»

В своем очередном письме он сообщил родным, что «наконец-то, после долгих дней мук и страданий добрался в свою часть. На дорогу ушла неделя. За это время даже волосы на голове маленько отросли...» Служить Сергею предстояло полгода в учебной танковой части, размещавшейся в поселке Пакино Владимирской области, а после этого отправят в Германию. «Сегодня утром ходили в баню, после чего сразу же послали работать на полигон. Там я впервые потрогал руками танк. Здесь их находится более пятисот штук. Старшина говорит, что мы будем в них гнить. Ничего, как-нибудь выживу. Сначала всем трудно, а потом привыкают... Ну, а как вы поживаете, мамуля, Бикуля и батя? Как постигает жизнь маленькая сестренка, скоро ли она научится читать и писать?» Старший брат беседует с ней, наставляет ее, ведя задушевный разговор.

«Вот я уже отслужил неделю. С непривычки трудно... 12 часов в сутки работаем, 6 часов маршируем, а остальное время уходит на сон... Сейчас часто вспоминаешь гражданку, как там было хорошо и свободно! Но все равно через армию должен пройти каждый, чтобы глубоко понять, что такое родной дом, мать, отец, сестра... В конце мая, наверное, наша рота будет принимать военную присягу. К этому важному событию усиленно готовимся. Недавно была встреча с ветеранами войны... Мама, ты прислала мне вызов из университета. Если сможешь, так ты сама, пожалуйста, постараитесь решить этот вопрос, чтобы меня оставили в студентах».

Учебная рота, в которой служил Сергей, приняла военную присягу 31 мая. Об этом торжественном мероприятии он рассказал в письме подробно, во всех деталях: «Перед этим днем нам выдали парадное обмундирование, дали побольше поспать. Утром очень неплохо позавтракали и пошли строиться... Такое чувство, что наконец-то будешь настоящим солдатом, ведь что за солдат без присяги. Завтра начнутся занятия, а через две недели я буду сидеть в танке, конечно, не один, а с командиром. Здесь, в учебной роте, на механиков-водителей учат три месяца. Так что после армии можно работать водителем вездехода или бульдозера...»

«Занятия уже начались. Посылают и в различные наряды. 15 июня ездил в Ковров в штаб дивизии. Там состоялась встреча комсомольского актива с лекторами сухопутных войск. А так как я являюсь редактором «Боевого листка», то принимал участие в этой встрече...»

В письме от 20 июня Сергей с радостью и гордостью сообщил, что «вчера ваш сын первый раз самостоятельно водил танк. Сначала казалось страшно, чувствовалась какая-то скованность, но когда я завел танк и тронул его с места, то сразу успокоился и провел боевую машину с оценкой «хорошо». Трасса была длиной семь километров, с тремя поворотами под углом 90 градусов и четырьмя — под углом 45. Начались и политзанятия. На них тоже заработал «четверку».

2

Как стало известно из писем Сергея, его мать и сестренка в июле отдыхали на юге, а поэтому свои письма он адресовал отчиму. В детстве (помните письмо из Томска) он называл его папой, а теперь, повзрослев, обращался не иначе, как — батя. Изменился и сам тон его писем, в них больше рассказывается о нелегких солдатских буднях. В общем, шел мужской разговор. «Здравствуй, батя! С большим приветом к тебе солдат-танкист, а то дома, наверное, ты скучаешь один, как и я здесь... Сейчас мы основательно приступили к изучению танка, ведь мне придется водить его полтора года в Германии. Водить «Т-64» не трудно, но его устройство очень сложное. Недавно был полевой выход на три дня: в первый день было интересно — мы уничтожали мнимого противника; на второй день на танках переправлялись через реку Клязьму — тоже было интересно. А вот на третий начались ужасы. В этот день мы должны были пройти 50 километров, причем 1,5 км — в противогазах и последние 10 км — марш-бросок. Жара стояла 35 градусов, под ногами — песок, а за плечами — автомат и вещмешок с 20 килограммами груза... В общем, из взвода (25 человек) к финишу пришли 14. Среди них был и я. Просто удивляюсь, как я дошел. После этого полевого выхода я еще килограмма три сбросил, и от меня остались одни глаза да нос».

В начале августа Сергей написал родителям письмо, в котором он извиняется за то, что дней десять не присыпал никакой весточки. Просто не было возможности. Подняли по тревоге и отправились под Горький, где сильно горели торфяные болота. Пробыли на тушении пожара шесть дней. В том же письме он отвечает на вопрос матери, как к нему добираться. Мать собиралась навестить его. Другой отприск, конечно же, был бы очень рад такому стремлению самой родной души повидаться с ним и описал бы путь-дорогу, даже не задумываясь о каких-то там трудностях, которые неизбежны в таких поездках. Сергей же написал: «Мама, сюда добираться сложно, только намучишься. В первые дни октября у нас начнутся экзамены, и приезжать в такую даль лишь на день не стоит — слишком много будет моральных и финансовых затрат. К тому же, если приедете раньше, то меня на месте может и не быть, потому что я вхожу в спецгруппу по подготовке техники и танкодрома... Конечно, хочется на вас посмотреть, но не хочу причинять вам и себе боль. Я видел такие встречи: к солдатам приезжали родители, а после их отъезда ребята долго еще тосковали, некоторое время были менее дисциплинированными. Так что из-за одного такого дня встречи человек несколько суток до нее и после будет мучиться переживаниями».

Через неделю учебная танковая рота будет сдавать экзамены. Однако солдаты мало учились, а больше работали, чаще всего выполняя роль «пожарной команды». Скоро полетят «белые мухи», а в соседнем поселке Каменково

не отремонтирован коровник. Солдаты привели его в порядок. После этого ездили в г. Ковров на помощь заводу им. Дегтярева, который выпускает мотоциклы. Первый раз Сергей своими руками собирал эти машины. «Правда, — пишет он, — выполнял самую маленькую операцию, так как конвейер громадный. Мотоциклы светленькие, так и хотелось прокатиться на них. Такая работа мне нравится... Экзамены начались 4 октября. Первым была техподготовка, затем — вождение, третьим — политика. Но все эти три экзамена я пропустил, так как перед самым их началом заболел, была высокая температура и меня положили в санчасть. Там я пролежал целую неделю. За это время были сданы первые три экзамена, а завтра будут последние — строевая подготовка, физподготовка и Уставы СА. Однако все первые экзамены я «сдал», потому что каждый раз в день их сдачи ребята прибегали в санчасть, чтобы я расписался в экзаменационном листе, где в графе уже стояли мои оценки — четверки. А теперь поделюсь мыслями о нашей санчасти. Она представляет собой старый барак. В нем нет никакого порядка, а больного здесь не считают за человека, и медики пользуются своими методами «лечения»: они заявляют, что если еще стоишь на ногах, то, значит, должен работать. Это же настоящее издевательство. Больше всего такая «забота» исходит от медиков-сержантов, этих извергов в белых халатах. За всю неделю, что пробыл в санчасти, я не видел ни разу, чтобы больных кормили по-человечески: ни белого хлеба, ни сахара, ни масла им не давали — все забирали сержанты. И так продолжается постоянно. Утром поднимают всех больных и ведут на улицу на работу — под дождь и холод, ведут даже тех, кто уже еле дышит».

«Экзамены, считай, позади. Вчера сдавали последний — по физподготовке. В программе были виды: подтягивание, бег на сто метров, кросс на 1000 метров. Сдали, конечно, все, кто мог и кто не мог. Теперь ждем отправки. В Германию уходит весь полк». В последнем письме из поселка Пакино Владимирской области Сергей Лукашук сообщает, что сейчас в полку почти никто ничего не делает, у всех чемоданное настроение, хотя многие знают, что в Германии служба будет потруднее, чем здесь. Но там, говорят, порядка больше и служить гораздо интересней. «Недавно мы узнали, что в наш полк приедет командующий Московским военным округом, генерал-лейтенант, так мы всю ночь не спали — мыли и чистили все, что только можно. А когда генерал приехал, то всех из казармы как ветром сдуло. Смешно было видеть, как офицеры и прaporщики галопом побежали прятаться за казармы. Ну, а мы, конечно, — в лес. Там и ночевали возле костров. В общем, шороху генерал наделал много. Наш комбат, выгоняя нас с глаз долой, подстегивал: «Если вы не уйдете как можно дальше и быстрей, то будете у меня бедные очень долго». Когда командующий уехал, все начали выползать, кто откуда, как крысы. Вот это, наверное, запомнится мне надолго».

3

«Привет из далекой Германии...» Этой фразой начиналось первое письмо, отправленное Сергеем домой из немецкого городка, что находится невдалеке от границы, разделяющей два немецких государства. Он с радостью сообщает, что ему повезло с местом службы, так как попал в лучшую роту гвардейской танковой дивизии. Эта отличная рота носит имя Героя Советского

Союза К.М. Блинова. Сергей рассказывает о переезде, который длился более десяти дней: летели самолетом, ехали поездом и на машинах. Что сразу его в Германии восхитило, так это чистота в городе и поселках, аккуратные, красивые здания, в основном покрытые черепицей. Много зелени. Погода паршивая — дождь сменяется снегом, часто дует сильный ветер, по ночам бывают заморозки. И тут же, чтобы родные не беспокоились, Сергей сообщает о том, как у них в полку решаются вопросы быта и снабжения: «Мы уже перешли на зимнюю форму одежды: выдали новое полуշерстяное обмундирование, теплые комбинезоны, меховые куртки и теплое нижнее белье. Получил получку — 25 марок (8 рублей на наши деньги). Правда, 20 марок высчитали с каждого для хознужд роты. Но все равно все-таки сходил (первый раз) в немецкую чайную. Здесь все сладости дешевые. К примеру, 500-граммовая банка меда стоит 60 пфеннигов (20 коп.), пачка печенья — 30 пф.

... С 1 декабря начнется учебный год, а сейчас готовим свои боевые машины к зимнему периоду. Недавно в нашу роту приезжал генерал-лейтенант. Я как раз стоял дневальным на «тумбочке». Первый раз видел живого генерала в полуметре от себя. Вид у него был что надо — и степенность, и строгость, и, конечно, живот...

Коллектив в нашей роте подобрался неплохой. Есть, батя, и твои земляки, они в основном служат сержантами — командуют танками, занятно «бала��ают» между собой. Я слушаю, ведь твои корни идут тоже оттуда, с Украины».

Письмо, датированное 8 января 1982 г., Сергей написал на медицинских бланках «Результаты исследования». С первой же строки — извинения за то, что «пишу на таких листочках: лежу в санбате, конверты есть, а чистой бумаги нет. Ты, мама, не волнуйся, ничего страшного со мной не произошло. Просто твой сын пока как следует не привык к здешнему климату и простудился. Вот уже десять дней валяюсь здесь, и уже совершенно здоров. Врачи и медсестры тут внимательные, лечат хорошо. Кормят тоже нормально. Санбат находится в центре города. Из окна видно все, что происходит на улице. Мимо проходят люди, они смотрят на окна, улыбаются. Каждое утро детишки идут в школу и, проходя мимо санбата, обязательно поют что-нибудь на русском языке, чаще всего «Песенку крокодила Гены» или «Солнечный круг». Так что все-таки немцы — неплохой народ...

А в Польше сейчас сложная обстановка. Там введено военное положение. Некоторые наши части тоже приведены в повышенную боеготовность».

* * *

В одном из январских писем Сергей Лукашук поделился новинкой в своей службе: недавно ходил в караул. Понятно, это дело очень ответственное. Ему было интересно и в то же время, как он признается, страшновато, особенно ночью, стоишь и не знаешь, куда, в какую сторону смотреть. Через три недели его снова направили в караул, когда день уже угасал, темнота наступала. Впереди — ночь. Стоял он, внимательно вслушиваясь в окружающий мир шорохов и лесных звуков, хорошо понимая, что тишина иногда обманчива и может преподнести сюрприз — в приграничной местности всякое бывало. «На таком посту сон загоняется куда-то в потаенный угол, так как жить-то охота, — пишет Сергей. — Стою я, значит, в карауле. Вдруг слышу

где-то поблизости что-то запуршало — никак кто-то лезет через ограждение, подумал я. В первый момент, конечно, сильно испугался. Потом взял себя в руки и начал действовать по уставу. Освящения нет, и трудно понять, кто лезет и сколько их. Я крикнул в темноту: «Стой! Кто идет?» В ответ — ни звука. Я командую дальше: «Стой! Стрелять буду!» Эту же команду продублировал по-немецки. И снова молчание. Тогда я привожу автомат в боевое положение и даю предупредительный выстрел вверх. И опять бесполезно. Видно, кто-то затаился. И тут пришлось чуточку поволноваться. А потом я решил применить оружие на поражение противника. Стрельнул в то направление, откуда доносился шорох, и вдруг все затихло. Думаю, неужели попал? И меня снова охватил страх: как-никак, может, человека убил. Подбегаю, смотрю, а метрах в двенадцати от меня кто-то на земле лежит и еще дергается. Это был кабан килограммов на семьдесят. Понятно, от начальства мне маленько попало — пожурили с улыбкой на устах. Я-то, ведь, на посту стоял и действовал строго согласно уставу».

Сергей, чувствуется, парень любознательный. От его взгляда ничто не ускользнет. Он интересуется всем, запоминает, сравнивает, анализирует, а над некоторыми вопросами задумывается, делится своими мыслями в переписке с родными и близкими людьми. О, если бы прочитать хотя бы несколько писем из того множества десятков, которые написал Сережа своим друзьям, одноклассникам за два года службы в армии! Какие мысли волновали тогда этого беспокойного паренька, что он советовал, о чем спорил со своими сверстниками? Но те письма, наверное, у адресатов не сохранились. Давайте вернемся к письмам сына родителям. «...Во время учений нам приходится часто заглядывать в немецкие магазинчики. В любом деревенском магазине здесь гораздо чище и красивей, чем у нас в Союзе в городском. Немцы — доверчивый народ. Воровства у них почти не бывает. Всегда можно наблюдать такую картину: утром к магазинам подвозят и выгружают возле него, прямо на улице, продукты, и они лежат там, никем не охраняемые, до открытия магазинов. Может, это объясняется тем, что по немецким законам за воровство дают больший срок, чем, к примеру, за изнасилование».

4

Когда я читал одно из мартовских писем Сергея, то, признаюсь, ощущил, как на миг мое дыхание что-то перехватило. Видно, сильно повлияло на меня сообщение солдата. И я подумал: значит, и в то время были случаи побега из части военнослужащих с оружием в руках. Конечно, сегодня в стране наблюдается большой разгул преступности, но, оказывается, и тогда совершались различные преступления, и даже самые тяжкие. Однако о них не сообщалось, и люди ничего не знали. Теперь же пресса пишет обо всем, иногда с перехлестом. В том письме Сергей коротко рассказал о событии, которое, наверное, аукнулось даже на вершине власти. «Ночью, 15 марта 1982 года, с нашей полковой гауптвахты, оглушив часового и забрав у него автомат с патронами, убежали четверо военнослужащих, которые должны быть переданы следственным органам за кражу ценностей из немецкого магазина. Поиск беглецов своими силами ничего не дал. Через 12 часов были подняты по тревоге многие части группы советских войск в Германии, а также разведотряды Национальной армии ГДР. Были задействованы самые современные средства. Чет-

веро суток продолжался поиск. За это время набегались так, что уже падали с ног. И все-таки, слава Богу, нашли убежавших... Всем членам группы захвата дали отпуск на 20 дней без дороги, а лейтенанту, руководившему группой, присвоено внеочередное звание капитана...» В конце письма — просьба: «о написанном постарайтесь не распространяться», «если, конечно, получите письмо, а то это дело такое...»

В письме за 12 мая читаю: «Даже не верится, что уже один год службы позади. Сегодня заступаю дневальным по роте. Давно я на «тумбочке» не был, месяца два, наверное, так что придется постоять на «малой земле» (так у нас называют «тумбочку» дневального). Позавчера ездили к немцам на ходильник. Выгружали мясо. Работали вместе с фрицами. Они, кстати, интересно вкалывают: один час хорошо работают, затем минут 15 отдыхают. В каждый перерыв подкрепляются горячим кофе и бутербродом. Я маленько с одним Гансом «пошпрехал». Плохо, что в школе не очень хорошо учил немецкий язык. А как бы здорово он здесь пригодился! Но кое-что у Ганса понял. Средняя зарплата у них, например, 800-850 марок, на наши деньги — 270-280 рублей. Это немало, к тому же и цены здесь намного ниже, чем у нас».

В конце мая танковая рота, в которой служил Сергей Лукашук, провела показательные учебные стрельбы в присутствии больших начальников. «Пришлось изрядно потрудиться, — сообщает он. — Ради этого одного дня мы готовились больше двух недель. Но зато потом вместе с офицерами принимали поздравления генерала армии Зайцева, который, объявив всем благодарность, сказал, что таких рот, как наша 1-я танковая имени Героя Советского Союза лейтенанта Блинова, сейчас в Вооруженных Силах страны единицы и что на нее можно положиться в любую минуту... Позже нам вручили знаки отличников. Выдали и новое обмундирование, все, до мелочей... Теперь хочу поделиться своими планами на будущее. Все-таки думаю продолжить учебу в СГУ. Буду, естественно, учиться заочно, а работать в своем родном депо. Как я по нему соскучился!»

В одном из писем, отправленных домой в июле, я обратил внимание на то, что Сергей несколько изменил свое обращение к родным. Обыграв фамилию отчима, он писал: «Здравствуйте, мои дорогие солоночки! Вот и повернулось уже к закату мое последнее лето в армии. Служба проходит так же, как и прежде. Правда, к концу учебного периода стало больше различных занятий и меньше ходим в наряды. Говорят, скоро начнутся крупные учения... Здесь (в лесу) уже поспела малина, и мы неравнодушны к этим дарам природы. Поэтому после каждого тактического занятия, проводимого в лесу, нас долго и упорно собирают по малинникам. Как-то наелся ягод так, аж живот заболел. Целый день им маялся, но нареканий от командира не было, так как, будучи на тактических занятиях, выполнил боевую задачу по добыче «трофеев», которую поставил передо мной комроты. Он обеспечил меня тарой — пятилитровым ведерком, а к концу занятий оно было наполнено ягодами».

«Вот и кончается лето. Останутся еще осень, зима и неполная весна. Чем ближе к «дембелю», тем время тянется медленней... Сейчас в нашем полку проходит замена комсостава. У нас появился новый комбат — человек с суровым взглядом и дурными привычками. Но, пожалуй, с нами ему придется нелегко, ведь батальон почти полностью состоит из старых служак, а со «стариками» не поборишь. Потом мы узнали, что нового комбата перевели

где-то поблизости что-то запуршало — никак кто-то лезет через ограждение, подумал я. В первый момент, конечно, сильно испугался. Потом взял себя в руки и начал действовать по уставу. Освещения нет, и трудно понять, кто лезет и сколько их. Я крикнул в темноту: «Стой! Кто идет?» В ответ — ни звука. Я командую дальше: «Стой! Стрелять буду!» Эту же команду продублировал по-немецки. И снова молчание. Тогда я привожу автомат в боевое положение и даю предупредительный выстрел вверх. И опять бесполезно. Видно, кто-то затаился. И тут пришлось чуточку поволноваться. А потом я решил применить оружие на поражение противника. Стрельнул в то направление, откуда доносился шорох, и вдруг все затихло. Думаю, неужели попал? И меня снова охватил страх: как-никак, может, человека убил. Подбегаю, смотрю, а метрах в двенадцати от меня кто-то на земле лежит и еще дергается. Это был кабан килограммов на семьдесят. Понятно, от начальства мне маленько попало — пожурили с улыбкой на устах. Я-то, ведь, на посту стоял и действовал строго согласно уставу».

Сергей, чувствуется, парень любознательный. От его взгляда ничто не ускользнет. Он интересуется всем, запоминает, сравнивает, анализирует, а над некоторыми вопросами задумывается, делится своими мыслями в переписке с родными и близкими людьми. О, если бы прочитать хотя бы несколько писем из того множества десятков, которые написал Сережа своим друзьям, одноклассникам за два года службы в армии! Какие мысли волновали тогда этого беспокойного паренька, что он советовал, о чем спорил со своими сверстниками? Но те письма, наверное, у адресатов не сохранились. Давайте вернемся к письмам сына родителям. «...Во время учений нам приходится часто заглядывать в немецкие магазинчики. В любом деревенском магазине здесь гораздо чище и красивей, чем у нас в Союзе в городском. Немцы — доверчивый народ. Воровства у них почти не бывает. Всегда можно наблюдать такую картину: утром к магазинам подвозят и выгружают возле него, прямо на улице, продукты, и они лежат там, никем не охраняемые, до открытия магазинов. Может, это объясняется тем, что по немецким законам за воровство дают больший срок, чем, к примеру, за изнасилование».

4

Когда я читал одно из мартовских писем Сергея, то, признаюсь, ощущил, как на миг мое дыхание что-то перехватило. Видно, сильно повлияло на меня сообщение солдата. И я подумал: значит, и в то время были случаи побега из части военнослужащих с оружием в руках. Конечно, сегодня в стране наблюдается большой разгул преступности, но, оказывается, и тогда совершались различные преступления, и даже самые тяжкие. Однако о них не сообщалось, и люди ничего не знали. Теперь же пресса пишет обо всем, иногда с перехлестом. В том письме Сергей коротко рассказал о событии, которое, наверное, аукнулось даже на вершине власти. «Ночью, 15 марта 1982 года, с нашей полковой гауптвахты, оглушив часового и забрав у него автомат с патронами, убежали четверо военнослужащих, которые должны быть переданы следственным органам за кражу ценностей из немецкого магазина. Поиск беглецов своими силами ничего не дал. Через 12 часов были подняты по тревоге многие части группы советских войск в Германии, а также разведотряды Национальной армии ГДР. Были задействованы самые современные средства. Чет-

назад мы отмечали замечательный день — праздник — 100 дней до приказа. На следующее утро пятеро парней залетели по своей глупости. Хорошо, что я тогда отказался от «зеленого змия». Теперь эти товарищи лысые. Не знаю, как они домой поедут!»

5

Январь на исходе. Сергею осталось служить 2-3 месяца. По-прежнему он один раз в неделю посыпает домой весточку. И хотя в своих письмах все больше места он отводит рассуждениям о предстоящей жизни на гражданке, монологам, обращенным к родителям и сестренке, однако он не может умолчать и не рассказать о службе солдатской, которая всегда богата и героикой, и не только ею. «Наконец-то с горем пополам сдали контрольную проверку. Результаты плачевые. Наш батальон защищал честь полка и «дозащищался». Вначале у нас было 2 балла за строевую подготовку, но потом кое-как нам натянули четверку. Третья рота получила 2 балла за политподготовку. Затем была стрельба — это самое главное, что решало уровень боевой готовности нашего батальона и в целом полка. Наша рота стреляла первой. Начало было многообещающим: 6 зарядов, и все оценены положительно. Проверяющие сняли со стрельбы соседние полки, и мы остались одни. И сразу к нам хлынула куча генералов — так много я их никогда еще не видел, человек семь, наверное. И каждый советует, как лучше стрелять. А наши мальчики так поливают огнем, только мишени успевают меняться. Комбат довольный, комполка сияет. Комдив тоже доволен и обещает отпуска. Приехал зам. главкома, похвалил нас и... слазил. Только генералы уехали, как началось представление: были выпущены последние четыре заряда и никто ни разу не попал в мишень. Комбат чуть ли не до истерики доходит, даже при комдиве стал кричать такое...

Потом стреляли 2-я и 3-я роты, но после двух заездов их со стрельбы сняли. Так что настроение у всех было паршивое. Комполка на кого-то орет, грозит увольнением; комдив тоже суров и кому-то обещает: «Я вас из геройской роты уберу!» Но мы-то знаем, почему наш батальон так плохо отстрелялся. Во-первых, на одной трети танков (в основном во 2-й и 3-й ротах) пушки были неисправны, а пулеметов таких еще больше; во-вторых, понятно, ослаблено руководство, а это сказалось на моральном духе солдат...» В своем очередном письме Сергей поведал о фельдфебельских замашках некоторых офицеров. «Вчера (10 февраля) наш зампотех, сволочь он хорошая, порвал пять альбомов, в том числе и мой. Другие ребята успели свои альбомы спрятать... Ротный ушел в отпуск, а зампотех его замещает и с каждым днем все больше свирепеет — хочет установить в роте свои порядки. Комбат его защищает, говорит: «Вы во время стрельбы опозорили меня на всю группу войск, а я устрою вам счастливый дембель. Вы у меня поедете домой с вешмешками...» В последнее время зампотех немного приутих, видно, понял, жестоким методом от нас он ничего не добьется... Да, сейчас все вспоминаем своего ротного, не вовремя ушел он в отпуск.

* * *

В своих последних письмах из Германии Сергей Лукашук много рассуждает о предстоящем увольнении в запас и как бы анализирует свою службу: «В общем-то, можно сказать, она прошла хорошо, особенно в Германии. А в учебной роте, под Ковровом, насмотрелся такого бардака, пережил столько, что

чуть было там ноги не протянул. Правда, настоящим солдатом почувствуешь себя лишь после того, как отрубишь год, а до этого времени тебя считают роботом и ты должен только работать и работать. И ни о чем больше не думать... Сейчас в армии сделано так, что в батальоне служат парни одного призыва. За время службы я так и не узнал, что такое «дедовщина». Может, это и к лучшему... Но в армии есть другая проблема. Некоторые солдаты (в письме названа их национальность) — бичи в армии. Они ничего не делают, офицеры не могут заставить их работать. Два года они пробичуют, потом — домой».

В конце марта Сергей послал родным письмо, в котором сообщал: «Моя служба подходит к концу. Еще немного, еще чуть-чуть, и я буду дома. До приказа осталось пять дней, дальше начнутся томительные ожидания дня отправки на Родину очередной, уже своей, группы солдат. Точно еще не знаем, куда доставит нас самолет. Возможны три варианта: Горький, Свердловск и Ленинград. Хорошо, если забросят в Горький, оттуда домой ближе...»

6.

Вот, наконец-то и дом, о котором так мечтал солдат Сергей Лукашук. Теперь начнется новая жизнь. Но прежде всего в ней надо найти свою дорогу, чтобы пройти к намеченной цели, а потом не разочароваться в избранном деле. Мыслей и планов, как всегда, было много. Но он сейчас не тот, что был раньше. Армия многому его научила и кое-что дала, например, хорошую специальность. Однако он хотел учиться. Думал стать юристом. А потом все-таки любовь к школьной детворе взяла верх, и Сергей возобновил заочно учебу на историческом факультете СГУ. Будучи студентом пятого курса, он уже преподавал историю в Каджеромской средней школе. Ребята любили его (об этом я узнал из многочисленных открыток) и считали своим другом, а он никак не мог привыкнуть к тому, что они обращались к нему по имени и отчеству — Сергей Владимирович. Вот уже первый учебный год позади. Скоро пойдет он в трудовой отпуск, который должен был начаться с 12 июля. Но случилась трагедия.

29 июня 1988 года Сергей Лукашук выехал из Печоры в Каджером на поезде. В восемь часов утра того же дня монтер пути обнаружил его в бессознательном состоянии в нескольких метрах от железнодорожного полотна (1732 км). В поселковой больнице ему была оказана первая помощь, затем вертолетом был доставлен в Печору. Ночью 30 июня С.В. Лукашук в больнице скончался. Причина смерти — «тупая черепно-мозговая травма головы с ушибом головного мозга». По этому факту транспортная прокуратура провела проверку и установила, что трагедия произошла в результате несчастного случая... Не буду анализировать данные проверки и другие доводы, так как со дня этой трагедии прошло много лет, да и тема публикации другая...

Жил среди нас удивительно талантливый человек, чистый душой и помыслами. Он был добрым. И смелым. Еще будучи совсем юным, он стал задумываться над многими вопросами жизни. Сергей Лукашук оставил нам интересные, волнующие строки, которые дополняют летопись армейской службы. Это — документы нашей истории. О них должны знать люди. И я благодарен Людмиле Михайловне Солонко — мужественной женщине-матери, педагогу, бывшей работнице управления образования администрации города, за то, что она предложила возможность ознакомиться и поработать с письмами ее любимого сына Сергея. Светлая ему память!

Карабин № 323232, или Встреча через десятилетия

Георгий Степанович Чарушников в Печоре человек хорошо известный, особенно среди людей старшего поколения и любителей природы, потому что в 70—80-е годы возглавлял городское общество охотников и рыболовов. Он — инвалид Советской Армии.

В 1996 году ему исполнилось 70 лет. Но, несмотря на возраст и болезни, он часто бывал в тайге, в своей охотничьей избушке. Как-то возвратился из лесу и позвонил мне: «Есть тема... Думаю, заинтересует тебя», — сказал Георгий Степанович и, как заядлый охотник, бросил затравку: дескать, сам он уже две недели находится под впечатлением истории, о которой узнал. Договорились встретиться...

1

Уже несколько часов Чарушников бродил по лесу. Устал. Время перевалило за полдень. Значит, нужно возвращаться в избушку, иначе накроет ранняя зимняя темень. А с тайгой шутки плохи. Он вышел на просеку, по которой уже прокладывался зимник. Под ногами чувствовалась земная твердь, слегка припрощенная снегом. За небольшим поворотом увидел человеческую фигуру. Она плыла, слегка покачиваясь в проеме дороги, пролегавшей между ровными, стройными соснами. Чарушников догнал путника. Это был пожилой мужчина небольшого роста с рюкзаком за плечами. Чарушников поздоровался. Путник бросил на него взгляд и ответил приветствием. Глаза у него были светло-голубые, цвета утреннего летнего неба.

— Куда путь держите? — спросил Георгий Степанович.

— Тут где-то поблизости есть избушка Чарушникова. Хочу заночевать в ней. А завтра уж пойду к полустанку, надо бы поспеть к усинскому поезду... Набродился. Несколько дней промышляю... А вы куда направляетесь?

Старик оказался разговорчивым. Его, правда, удивило то, что я и был тем самым человеком, в чьей избушке он хотел переночевать. С разговорами путь всегда несколько короче. На место добрались, когда уже начало темнеть. Я растопил печку, вскипятил чайник. Поужинали. Я то и дело бросал взгляд на деда

Илью, так он мне назывался. Сухощавый, жилистый, он напоминал вывороченное из земли корневище.

— А вы все еще тоже охотничаете? — спросил Чарушников каким-то неуверенным голосом, боясь обидеть деда таким вопросом. — Наверное, уже восьмой десяток разменяли?

— Больно уж за молодого меня принял, — усмехнулся старик. — С Ильи на дня я уже девятый десяток отсчитывать начал. А охота меня тешит. Силы дает. Но, поверь мне, я не из тех охотников, которым любо стрелять хоть в пень, лишь бы прошел день. Никчёмной стрельбой, и даже взрывами, разного рода браконьеры, хорошо оснащенные, изранили, испоганили родную северную парму. А раньше ведь как было...

Разговор затянулся на несколько часов. Это был монолог. Старый, укатанный нелегкой жизнью дед Илья говорил и говорил размеренно, неторопливо. Словно шел он по таежным тропам, всматриваясь в лесной мир и познавая его.

2

— Родился я за два года до революции в ижемской деревеньке. Семья у нас была большая. Своих четырех сыновей отец ссыпалства приучал к делу. Не навязывал нам свою волю, не давил на нас. Хочешь — занимайся землепашеством или охотничай. Работы на селе всегда много, ее вовек никогда всю не переделать.

Я был старшим из братьев. Росли еще две сестры, но те больше матери помогали. Меня к охоте, в лес тянуло. Начал промышлять зверя с двенадцати лет. Первое время ходил с отцом. Он мне берданку вручил с шестигранным стволом. Было тогда и такое ружье. Заряжалось оно со ствola. Позднее, лет в четырнадцать, купил мне отец «крымку». Сделали его из боевого. После Крымской войны таких ружей много появилось. На вооружение армии поступали более совершенные винтовки, а в устаревших просверливали стволы и в продажу пустили. Дорого тогда хорошее ружье стоило: по цене корове равнялось. С тех пор ходил в лес с отцом на равных.

У каждого охотника было свое угодье, в котором никто другой не имел права вести какой-нибудь промысел. Тогда в лесу стреляли очень редко, потому что хозяин охотничьего угодья старался разными средствами и хитростями заманивать зверье и птицу. А способов и приспособлений для их добычи было много: плашки с приманкой для горностая и куницы; кулемы — лисам и росомахам. Для них же и для волка устанавливалась и коробовая пасть, медведей тоже чаще всего добывали без ружейной пальбы. Зверь этот хитрый, осторожный, но человек оказался хитрее. Он придумал такое устройство — щемиху. Она проста и надежна. Устанавливалась в лесу на открытом месте. Между двумя параллельно растущими елями укладывали бревна длиной 5—6 метров. Между ними — приманку. Медведь увидит ее, однако, достать приманку можно только лапой. Зверь просунет лапу, схватит приманку, потянет к себе — и тут бревна сваливаются и гвоздями прищемляют лапу. По два медведя брали так за сезон. Семья всегда была с мясом. Современные охотники ничего о подобном промысле не знают. Они вооружены до зубов и палят каждый раз в белый свет, будоража вокруг всю живность.

Впервые я поднял ружье на медведя, когда мне не было и четырнадцати лет. Произошло это, можно сказать, случайно. Я шел тропой, на которой раньше

назад мы отмечали замечательный день — праздник — 100 дней до приказа. На следующее утро пятеро парней залетели по своей глупости. Хорошо, что я тогда отказался от «зеленого змия». Теперь эти товарищи лысые. Не знаю, как они домой поедут!»

5

Январь на исходе. Сергею осталось служить 2-3 месяца. По-прежнему он один раз в неделю посыпает домой весточку. И хотя в своих письмах все больше места он отводит рассуждениям о предстоящей жизни на гражданке, монологам, обращенным к родителям и сестренке, однако он не может умолчать и не рассказать о службе солдатской, которая всегда богата и героикой, и не только ею. «Наконец-то с горем пополам сдали контрольную проверку. Результаты плачевые. Наш батальон защищал честь полка и «дозащищался». Вначале у нас было 2 балла за строевую подготовку, но потом кое-как нам натянули четверку. Третья рота получила 2 балла за политподготовку. Затем была стрельба — это самое главное, что решало уровень боевой готовности нашего батальона и в целом полка. Наша рота стреляла первой. Начало было многообещающим: 6 зарядов, и все оценены положительно. Проверяющие сняли со стрельбы соседние полки, и мы остались одни. И сразу к нам хлынула куча генералов — так много я их никогда еще не видел, человек семь, наверное. И каждый советует, как лучше стрелять. А наши мальчики так поливают огнем, только мишени успевают менять. Комбат довольный, комполка сияет. Комдив тоже доволен и обещает отпуска. Приехал зам. главкома, похвалил нас и... сглазил. Только генералы уехали, как началось представление: были выпущены последние четыре заряда и никто ни разу не попал в мишень. Комбат чуть ли не до истерики доходит, даже при комдиве стал кричать такое...

Потом стреляли 2-я и 3-я роты, но после двух заездов их со стрельбы сняли. Так что настроение у всех было паршивое. Комполка на кого-то орет, грозит увольнением; комдив тоже суров и кому-то обещает: «Я вас из геройской роты уберу!» Но мы-то знаем, почему наш батальон так плохо отстрелялся. Во-первых, на одной трети танков (в основном во 2-й и 3-й ротах) пушки были неисправны, а пулеметов таких еще больше; во-вторых, понятно, ослаблено руководство, а это сказалось на моральном духе солдат...» В своем очередном письме Сергей поведал о фельдфебельских замашках некоторых офицеров. «Вчера (10 февраля) наш зампотех, сволочь он хорошая, порвал пять альбомов, в том числе и мой. Другие ребята успели свои альбомы спрятать... Ротный ушел в отпуск, а зампотех его замещает и с каждым днем все больше свирепеет — хочет установить в роте свои порядки. Комбат его защищает, говорит: «Вы во время стрельбы опозорили меня на всю группу войск, а я устрою вам счастливый дембель. Вы у меня поедете домой с вецимешками...» В последнее время зампотех немного приутих, видно, понял, жестоким методом от нас он ничего не добьется... Да, сейчас все вспоминаем своего ротного, не вовремя ушел он в отпуск.

* * *

В своих последних письмах из Германии Сергей Лукашук много рассуждает о предстоящем увольнении в запас и как бы анализирует свою службу: «В общем-то, можно сказать, она прошла хорошо, особенно в Германии. А в учебной роте, под Ковровом, насмотрелся такого бардака, пережил столько, что

не уступить им. Наверное, из-за моего роста командир роты вместо трехлинейки — громадины образца 1891—1930 гг. вручил мне карабин — винтовку с укороченным стволов. Хорошее оружие. Оно больше всего в кавалерии было, а пехоте-матушке трехлинейку определили, чтобы ею подальше достать врага в рукопашном бою. Номер своего карабина до конца жизни не забуду — 323232. Если смотреть на любое большое число, то кажется, что запомнить его невозможно. Но разложите это число на цифры или группу цифр, и вам откроется секрет запоминания. Скажем, в номере моего карабина было три 3 и три 2 или трижды по 32. Что еще может быть проще?

Наша разведрота и ее группы чаще всего уходили на задание по ближним тылам противника. Иногда отправлялись в глубокий тыл — это когда нужно было прощупать фашистов основательно перед предстоящей крупной операцией. Как-то командир роты вызвал меня к себе и сказал: «Собирай, Терентьев, свою пятерку северян и отправляйтесь на прогулку». Ротный тут же объяснил мне суть задания и срок его выполнения. Время было как раз предновогоднее. В Сталинграде наши фрицев зажали крепко. Не давали им покоя и на северном участке тысячекилометрового фронта.

В моей группе разведчиков было пятеро. Вместе со мной. И все из Коми края, земляки мои: Алексей из деревни на Верхней Печоре, Петр из Удоры, Терентий — щельяюрский; Прокопий родился на Вятчине, но вместе с семьей в 30-е годы переехал на Север. Вот такая братия собралась. Встали на лыжи и декабрьской ночью просочились через линию фронта. Дороги там трудные. Местность лесистая, сильно пересеченная. Почти трое суток ходили и ползали в стане врага, обходя его охранения, чтобы не ввязаться в бой и не раскрыть себя. Все, что надо было, сделали. Решили отдохнуть в распадке и возвращаться к своим. Утомленные, прижавшись друг к другу, мы на короткое время провалились в глубокий сон. Дежурный нес охрану и поддерживал огонь в костре. Смешался он через два часа.

...Слышу голос Петра и прикосновение чьих-то рук к моему плечу, но я не могу раскрыть глаз. Веки будто склеились. «Товарищ сержант, костер погас, дежурного нет, пропал куда-то», — говорил Петр. Я мгновенно, словно ошпаренный, вскочил на ноги. Защевелились, стали подниматься и другие. Осмотрелись. Среди нас не было Алексея. Это он стоял на дежурстве. Его должен был сменить Петр, но Алексей исчез. Мы проверили свое снаряжение, боеприпасы и запасы продуктов. Патронов почти не осталось. Пропала сумка с сухарями и последние две банки консервов. Алексей прихватил с собой и мой карабин. Он удобный, легкий. «Ну, гад, из-под земли тебя достану!» — проговорил я и приказал ребятам отправляться в полк. Сам же решил пойти по следу беглеца, который, видимо, намерен был переметнуться к финнам. А я ведь отвечал за него.

Судя по времени, Алексей ушел не больше получаса назад, и я думал: если мне как следует поднажать, то могу догнать его. Ходок он был похоже меня, тяжеловат весом и шаг какой-то короткий, будто спутанный. И я пустился в преследование. Снег отбелил ночной сумрак. Лыжи скользили легко. Меня гнала вперед злость. Деревья мелькали по сторонам. Скорость, особенно на спусках, была высокая — дух захватывало. Так шел я несколько часов. К рассвету обесцелил. Подъемы уже брал с трудом. Лыжня петляла, обтекая сопки и скалы... Не знаю, догнал бы я беглеца или нет, но в лесной чаще прозвучал выстрел...

Очнулся я в небольшой комнатке. Откуда-то из-за деревянной перегородки доносилась чужая речь. Я вслушался в нее и уловил в ней какие-то знакомые

слова, а потом понял, что люди за перегородкой говорили на финском языке. Позже я узнал, что меня, тяжелораненого, подобрали в лесу оленеводы. Ехали они на оленях и увидели в стороне лежащего человека. Думали, что убитый. Подошли к нему, а он еще дышит, но без сознания. Оленеводы погрузили меня на нарты и привезли в поселок. На другой день я уже оказался в госпитале. А когда там поставили на ноги, отправили в лагерь для военнопленных. Пробыл в лагере до конца войны.

4

Помыкался я в своей жизни много. На разных работах трудился. Даже машины водить научился. А тайгу люблю больше всего. Отпуск всегда планировал так, чтобы он совпадал со временем открытия охотничьего сезона. Сейчас не охота, а разбой какой-то и глумление над природой. Везде разор. Я вот не первый раз пользуюсь твоей избушкой, вижу везде порядок. И сам стараюсь соблюсти его. Так всегда было в тайге. В избушке и тепло путника ждет, и свет, дрова заготовлены, спички и соль есть. Даже краюху хлеба кто-нибудь оставит. Отдохнет человек, наведет порядок после себя, дровишек подколет, оставит что-то из своих припасов и шагает дальше. Теперь же «гости» все ломают, бьют, даже поджигают. А кому разор? Да нам же всем. И природе...

Увлекся я больной для меня темой и не досказал главного, ради чего и начал весь этот разговор. Мне уже девятый десяток. И не хочу я уносить с собой свою тайну. Так вот, в 70-е годы работал я в аэропорту шофером. Пилоты всех категорий меня уважали. Добрый это народ. И работящий. Вертолетчики тогда летали в любую погоду и в самые глухие места. Ведь везде и всюду велись изыскательские работы. Был у меня дружок Николай. Он иногда, зная мою страсть, затравливал меня лестным предложением, дескать, если у тебя есть желание, то могу завтра взять тебя с собой и высадить у таежной речки. «Порыбачишь там, а на второй день я вывезу тебя обратно», — говорил Николай. И на него можно было положиться. Несколько раз летал я с ним.

Однажды он высадил меня на обрывистом берегу небольшой реки. Место было незнакомое. Деревья подступали близко к воде. Николай сказал, что завтра заберет меня в это же время и протянул ракетницу. «Возьми на всякий случай», — проговорил он. Однако на второй день Николай не прилетел. Не появился он и на третий день. Дожидаясь вертолет, я продолжал рыбачить на перекате. Но одна мысль не покидала меня: в каком месте я нахожусь? Ведь, может, мне придется выбираться отсюда «на своих двоих»... Стал вялить рыбу, чтобы взять ее с собой в дорогу. Путь предстоял, видно, долгий и трудный.

Проходя по крутым берегам, я заметил вокруг ощукуренные стволы берез. Видно, давно их раздели. Деревья засохли, почернели. А в одном стволе торчал заржавевший топор. Я решил выдернуть его из мертвой уже березы, но лишь прикоснулся рукой к топорищу, а оно тут же отвалилось и рассыпалось на крошки. Я постоял в задумчивости. Потом прошел дальше по берегу. И тут мой взгляд остановился на полузасыпанных в земле плахах, стоявших у самого обрыва. Я подошел к плахам и потянул на себя одну из них. Она отошла, образовав большую щель. Я понял: плахи когда-то составляли дверь, которая прикрывала вход в землянку. Я потревожил и другие плахи. Они, скрипя, покосились, образовав проход. В землянке было темно. Из бересты и расщепленной палки я сделал факел и зажег его.

В землянке было сыро и затхло. Посредине нее стоял столб. Он держал на себе плахи, уложенные крестообразно. Они-то вместе со столбом и держали на себе потолок. Осторожно ступая, я прошел дальше. У стены справа на деревянном помосте возвышалось что-то серое. Я протянул к нему руку и ощутил какую-то мягкую, замшелую массу, которая в соприкосновении с рукой стала рассыпаться и оседать. «Что же здесь такое?» — подумал я и продолжал исследовать эту массу. И тут мои пальцы наткнулись на большую пуговицу. Наверное, я разгребал то, что когда-то было одеждой или постелью... И вдруг замер: в полуиметре от меня белел череп с огромными глазницами. Сомнений не было: на помосте лежали останки человека. Я поднял факел повыше, чтобы свет от него проникал во все углы, и увидел, что у изголовья стоит винтовка. Я взял ее за цевье, и у меня в руках остался только ствол с механизмом, а цевье и приклад за десятилетия пребывания в землянке истлели и превратились в труху.

5

Я вышел из землянки с винтовочным стволов в руках. Ствол был покрыт ржавчиной. Я долго и упорно тер его сухой землей, особенно казенную часть, на которой обычно выбивается номер. И вот он стал просматриваться, словно проявляясь от тепла моих рук, и я видел его уже отчетливо: № 323232...

Сердце мое гулко зачастило, казалось, било о ребра и вот-вот выскочит из груди. Голова, чувствовал, набухала от большого прилива крови, от напора бурлящих мыслей: «Значит ты, Алексей, бежал тогда с фронта домой, в родные края. Видно, думал переждать здесь, затеряться на северных просторах. А оно, видишь, как вышло...»

Так, через тридцать лет я встретился с Алексеем и со своим карабином. Но об этой встрече я долго молчал, не рассказывал почти четверть века. Конечно, если по закону, то мне надо было сообщить куда следует. Но кто от этого выиграл бы? Были бы одни неприятности. Начали бы копать, жили с людей тянуть, выворачивать наизнанку души родных и близких Алексея. А они-то в чем проницались? А так получался вроде нулевой вариант: ушел солдат на войну и сгинул. Сколько их осталось в безвестных? Вернулся я в землянку, положил на помост ствол карабина и армейскую пуговицу от шинели. Пусть лежат рядом с Алексеем и напоминают ему на том свете, что предавать Родину и друзей — большой грех, замолить который невозможно.

Дойдя до выхода — оглянулся, подошел к столбу, чтобы упереться в него и свалить, но для этого никаких усилий не потребовалось. Ударом топора я потревожил его. И тут потолок дал трещину, закачался и пополз. Я едва успел выскочить из землянки, как услышал позади себя глубокий вздох земли: она скоронила все следы...

Вы можете меня спросить, а как же я вернулся из тайги домой? Вертолет все-таки прилетел. Но не тот, который я ждал. Другой. Николай разбрелся на обратном пути, когда высадил меня на берегу таежной речки. В аэропорту думали, что в том вертолете, который потерпел катастрофу, пассажиров не было. Однако моя-то жена знала, с кем и куда я улетел, и подняла тревогу. Начальству пришлось организовать поиски — от греха подальше. Выбрался я из тайги на шестой день...

— Я думаю, что у каждого своя дорога. И своя судьба. Кто знает, куда заведет она человека, если довериться только ей, — закончил свой рассказ дед Илья. Он вздохнул, повернулся к стене и уснул. А утром он покинул избушку.

СОДЕРЖАНИЕ

Тревога и боль, радость и любовь.....	3
Георгий, Антонов сын.....	8
Солдатские этюды.....	17
Карабин № 323232, или Встреча через десятилетия.....	27

Василий Васильевич ЖЕЛТЫЙ

Судьбы людские

Компьютерная верстка Сергея Гаевого.

Набор текста Зинаида Корнейчук.

Корректор Любовь Чекунова.

Сдано в набор 10.08.2002. Подписано в печать 25.11.2002.

Формат 60x84 1/₁₆. Бумага офсетная.

Объем 2 п.л. Тираж 1000. Заказ № 1927.

Издательство «Печорское время»

169600, Республика Коми, г. Печора, ул. Островского, 71.

Лицензия КР № 0041 от 20.05.1998 г.

ОБ АВТОРЕ

Желтый Василий Васильевич родился 14 января 1928 года на Украине, детство и юность прошли на Дону, куда семья переехала в 1932 году. Почти полвека живет в Республике Коми, в Печоре — с 1962 года. Много лет проработал в городской газете «Ленинец». Он — автор книг «Печора», «Печора и печорцы», соавтор сборников рассказов и очерков «Встреча», «На новые рубежи», «Последняя версия», «Войной опаленные», член Союза журналистов России.